

Chicken Soup
for the *Soul*®

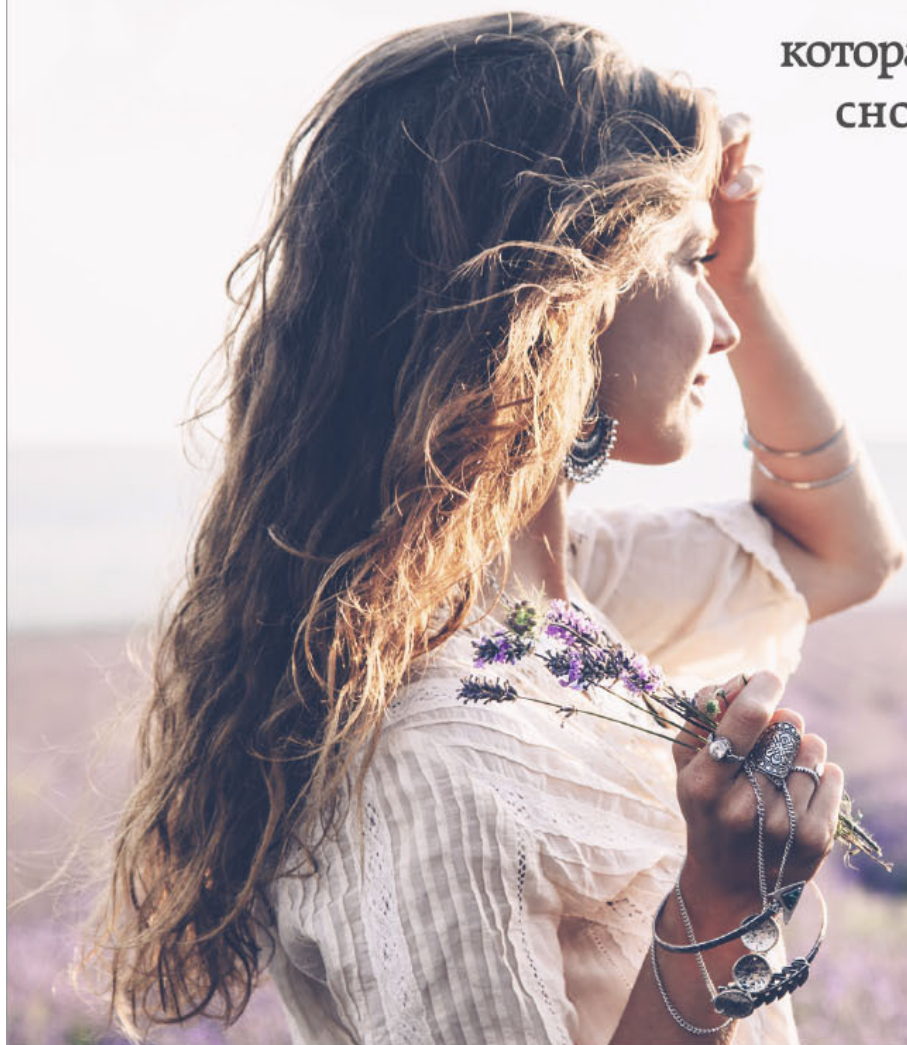
КУРИНЫЙ БУЛЬОН для души

101 ИСТОРИЯ О ЖЕНЩИНАХ

которая заставит вас
снова влюбиться
в жизнь

В РОССИИ
ПРОДАНО
2 000 000
КНИГ

ДЖЕК КЭНФИЛД*



Куриный бульон для души

Джек Кэнфилд

**Куриный бульон для души,
101 история о женщинах**

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кэнфилд Д.

Куриный бульон для души, 101 история о женщинах /
Д. Кэнфилд — «Эксмо», 2012 — (Куриный бульон для души)

ISBN 978-5-04-245122-5

Более 500 000 000 проданных копий! Феномен в истории
книгоиздания! Удивительная коллекция вдохновляющих историй от
женщин. Как они любят и как переживают потери, как жертвуют многим ради
семьи и сколько радости получают взамен, как они стареют и сталкиваются
с болезнями и как они прекрасны и сильны. Стейси родилась не такой,
как все, но получила от жизни все, что хотела. Какие три секрета счастья
поддерживали мать-одиночку в самые трудные времена? Джоан пережила в
детстве насилие и начала «заедать» внутреннюю боль. Анджела кардинально
изменила жизнь, научившись говорить «нет». 1716 писем понадобилось
Луизе, прежде чем соединиться с любимым... Эти и другие 96 историй
тронут ваше сердце, заставят смеяться, плакать и снова влюбиться в жизнь.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-245122-5

© Кэнфилд Д., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Белая гардения	7
Слова от самого сердца	9
Как раз вовремя	11
Подарки от Чистого сердца	12
Другая женщина	14
Прикосновение Рамоны	16
«Вы – Бог?»	17
Электрические свечи	18
Больше, Чем стипендия	20
Это было не больно	21
Поцелуй на ночь	22
Подарки	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Кэнфилд Джек, Хансен Марк, Хоуторн
Дженнифер Рид, Шимофф Марси
Куриный бульон для души. 101
история о женщинах, которая
заставит вас снова влюбиться в жизнь**

Jack Canfield, Mark Victor Hansen, Jennifer Read Hawthorne, Marci Shimoff

Chicken Soup for the Woman's Soul: Stories to Open the Hearts and Rekindle the Spirits of Women

© 2012, Chicken Soup for the Soul Publishing, LLC This edition is published by arrangement with The Van Lear Agency LLC

© Малышева А., перевод на русский язык, 2021

© Андреев А., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2025

Порой хорошая история человеку нужнее, чем пища

Предисловие

Эта книга стала для нас настоящим подарком. Работая над ней, мы все время ощущали любовь, счастье и неукротимую силу духа тех женщин, о которых здесь рассказывается. Надеемся, что и для вас книга станет источником радости и открытий.

Каждый из нас много выступал перед аудиторией – чаще всего женской, – рассказывая о том, как сделать жизнь более полной и счастливой. Нас всегда восхищала и вдохновляла открытость, с которой женщины делились своими переживаниями, историями и опытом. Из этого вдохновения и родилась книга «Куриного бульона для души. 101 история о женщинах».

Каждый день ее создания в нашей жизни происходило чудо! Слово незримая рука вела нас по этому пути.

Например, мы целый год искали Филлис Волкенс, автора рассказа «Поцелуй на ночь», чтобы попросить у нее разрешения на публикацию. Муж Филлис, Стенли, был невероятно рад, когда мы их наконец нашли. Уже несколько лет они оба были поклонниками «Куриного бульона», но увы, Филлис оставалось жить не больше недели. Для нее было счастьем узнать, что ее рассказ войдет в книгу. Через два дня она умерла.

Женщины, присылавшие нам свои истории, в один голос повторяли, как они благодарны нам за возможность выразить свои чувства. Пусть их рассказы не будут напечатаны, но они счастливы уже от того, что смогли ими поделиться. Для них это был своего рода акт очищения и обновления. Благодаря этой книге мы и сами стали другими – она помогла нам понять, что по-настоящему важно в жизни.

Искренность, мудрость этих женщин, их умение сострадать – поистине великий дар всему миру. Мы от всей души желаем, чтобы эти истории день за днем помогали вам научиться ценить самих себя и друг друга, – как помогли они нам.

Одна из написавших нам женщин, Мэри Майчалика, сказала: «Каждая женщина переживает период, когда на нее обрушивается слишком много проблем – семья, работа, супруг, бывший муж, родные и приемные дети, родители. В это время очень важно – просто необходимо – сделать шаг назад и переоценить приоритеты, задуматься о своей миссии в этой жизни. Ведь только тот, кто умеет заботиться о нуждах своей души, способен на истинную заботу о близких».

Итак, от всего сердца предлагаем вам «Куриный бульон для души. 101 история о женщинах». Пусть эти истории прикоснутся к вашей душе и разбудят в ней чудеса любви и вдохновения.

Джек Кэнфилд, Марк Виктор Хансен, Дженнифер Рид Хоуторн, Марси Шимофф

Глава 1 О любви

*Самое лучшее и самое прекрасное в жизни нельзя ни увидеть, ни потрогать – его можно лишь почувствовать сердцем..
Хелен Келлер, писатель, лектор и политическая активистка, с детства лишенная зрения и слуха*

Белая гардения

С тех пор как мне исполнилось 12 лет, каждый год кто-то присылал мне на день рождения белую гардению. Никакой записки или открытки; звонить в цветочный магазин было бесполезно: покупку всегда оплачивали наличными. Вскоре я оставила попытки выяснить личность дарителя и просто наслаждалась красотой и пьянящим ароматом этого волшебного белоснежного цветка, обернутого в мягкую розовую бумагу.

Это не мешало мне фантазировать о том, кто ее присылал. Мне представлялся некто прекрасный, романтический и слишком скромный, чтобы открыть свое имя. Подростком я мечтала, что это мальчик, в которого я влюблена, а может, и вовсе незнакомец, сраженный моей красотой.

Мать лишь раззадоривала мои фантазии. Она спрашивала: быть может, я помогла кому-то и он решил анонимно отблагодарить меня? Например, когда я каталась на велосипеде, а мимо проезжала соседка с оравой детей и кучей продуктов, я всегда помогала ей разгрузить машину и следила, чтобы дети не выбегали на дорогу. А может, таинственный почитатель – старичок, живший на другой стороне улицы? Зимой я частенько проверяла его почтовый ящик, чтобы ему не приходилось спускаться по заледенелым ступенькам. Маме хотелось развить в своих детях творческое мышление, и еще – чтобы мы чувствовали, что нас любят, что мы небезразличны не только ей, но и всему миру.

Когда мне было семнадцать, один мальчик разбил мое сердце. В тот вечер, когда он меня бросил, я плакала, пока не заснула. Утром я обнаружила на зеркале послание, написанное красной губной помадой: «Сердцем я знаю: когда уходят полубоги, приходят боги». Я долго думала над этой цитатой из Эмерсона¹ и оставила ее там, где написала ее моя мать, пока мое сердце не успокоилось. Когда наконец я решила ее стереть, мама поняла, что со мной все в порядке. И все же были раны, которые она не могла исцелить.

За месяц до окончания школы мой отец внезапно скончался от инфаркта. Я испытала всю гамму горестных чувств: от ощущения, что меня покинули, и страха до утраты веры и отчаянного гнева за то, что отца не будет рядом в важные минуты моей жизни. Я потеряла интерес к учебе и выпускному балу – а ведь совсем недавно я так ждала его! Я даже начала подумывать о том, чтобы пойти учиться в местный колледж, вместо того чтобы уехать, как планировала раньше.

Мама тоже горевала, не допускала даже мысли о том, что я пропущу выпускной. За день до смерти отца мы поехали за платьем и нашли совершенно невероятное – несколько ярдов кисейной ткани с вытканными горошинами, красными, белыми и синими. В нем я чувствовала себя Скарлетт О'Хара². Вот только размер мне не подходил.

¹ Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882) – один из виднейших писателей и мыслителей США (Прим. ред.).

² Скарлетт О'Хара – героиня романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (Прим. ред.).

На другой день умер отец, и мне стало совсем не до платья. Но мама не оставила эту затею. За день до выпускного я обнаружила, что платье ждет меня – и на этот раз размер был мой. Мама любовно разложила его так, что оно словно восседало на диване в гостиной.

Мне было все равно, будет ли у меня новое платье, – но маме нет. Для нее были крайне важны наши детские впечатления. Она научила нас видеть волшебство окружающего мира и его красоту даже сквозь невзгоды. На самом деле маме хотелось, чтобы ее дети чувствовали себя, как та гардения, – красивыми, сильными, совершенными, окутанными таинственной аурой.

Мама умерла, когда мне было 22, через 10 дней после моей свадьбы. С тех пор мне больше не присылали гардении.

Марша Аронс

Слова от самого сердца

Самые горькие слезы над могилами проливаются по несказанным словам и несделанным делам.

Харриет Бичер-Стоу, писатель

Многим людям нужно услышать эти «три маленьких слова». И иногда они звучат очень вовремя.

С Конни мы познакомились, когда она поступила в хоспис, где я была волонтером. Ее перекладывали с каталки на кровать, а ее муж Билл стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу. И хотя у Конни была последняя стадия рака, держалась она бодро и весело.

Я надписала ее больничные принадлежности и спросила, не нужно ли ей чего-нибудь.

– О да, – ответила она. – Покажите, пожалуйста, как включать телевизор. Я обожаю сериалы и не хочу ничего пропустить.

Конни была очень романтичной женщиной. Она любила мыльные оперы, любовные романы и фильмы про любовь. Позже она призналась, как трудно ей жить с человеком, который то и дело называет ее «дурочкой».

– Конечно, я знаю, что Билл меня любит, – уверяла она. – Но он никогда не говорил мне об этом, даже открыток не присылал.

Она вздохнула и посмотрела в окно, на деревья во дворе.

– Я бы все отдала, чтобы хоть раз услышать от него «Я люблю тебя», но это не в его характере.

Билл навещал Конни каждый день. Сначала он просто сидел у ее постели, пока она смотрела свои сериалы. Потом, когда она все больше спала, он мерил шагами коридор рядом с палатой. Вскоре Конни уже не могла смотреть телевизор и редко приходила в себя. Тогда я стала больше общаться с Биллом. Он рассказывал о своей работе плотника и о том, как он любит рыбалку. Детей у них с Конни не было, но им нравилось путешествовать вдвоем, пока Конни не заболела. Билл не мог выразить словами, что он чувствует, думая о приближающейся смерти жены.

Однажды в кафе я завела с ним разговор о женщинах и о том, как важна для нас романтика, как мы любим сентиментальные открытки и любовные письма.

– Ты говоришь Конни, что любишь ее? – спросила я, уже зная ответ, а он посмотрел на меня, как на сумасшедшую.

– Этого не нужно, – ответил он. – Она и так это знает!

– Уверена, что знает, – я дотронулась до его грубой руки плотника, сжимавшей чашку так, словно это была спасительная соломинка. – Но ей нужно это *услышать*, Билл. Услышать, что она значила для тебя все эти годы. Подумай об этом.

Мы вернулись к палате Конни. Билл скрылся внутри, а я ушла к другому пациенту. Позже я увидела Билла – он сидел возле спящей жены и сжимал ее руку.

Это было 12 февраля. Два дня спустя, вечером, я увидела в коридоре Билла, прислонившегося к стене и уставившегося в одну точку. От старшей медсестры я уже знала, что Конни скончалась в 11 утра. Билл позволил себя обнять. Лицо его было мокрым от слез, он весь дрожал.

– Мне нужно кое-что тебе сказать, – произнес он. – Я испытал такое облегчение, рассказав ей о своих чувствах... Я много думал о твоих словах и сегодня утром сказал, как сильно я ее любил... и как я был счастлив в браке с ней. Видела бы ты ее улыбку!

Я вошла в палату, чтобы попрощаться с Конни. На тумбочке лежала большая открытка от Билла. Знаете, из тех, сентиментальных – «Моей чудесной жене... Я люблю тебя».

Бобби Липпман

Как раз вовремя

Однажды поздно вечером, в сильную бурю, старая негритянка стояла на обочине шоссе Алабамы, мокрая до нитки. Ее машина сломалась, и ей во что бы то ни стало нужно было поймать попутку.

Наконец около нее остановился молодой белый человек – неслыханная редкость на далеком Юге в беспокойные шестидесятые. Он отвез ее в тепло, а затем посадил в такси. Было видно, что она очень спешит. Женщина записала его адрес, поблагодарила и уехала.

Спустя неделю в дверь мужчины постучали. К своему удивлению, он обнаружил на пороге цветной телевизор и стереомагнитофон. К коробке была приклеена записка:

«Дорогой мистер Джеймс!

Спасибо Вам огромное за то, что помогли мне в тот вечер на дороге.

Я так вымокла – кажется, даже мысли мои насквозь пропитались дождем. А потом приехали Вы. Благодаря Вам я успела попрощаться со своим умирающим мужем. Благослови Вас Бог за бескорыстную помощь мне и другим людям.

Искренне Ваша,

Миссис Нэт Кинг Кол»

Дэн Кларк

Подарки от Чистого сердца

*Лишь та любовь, что мы отдаем, остается с нами.
Элберт Хаббард, бизнесмен и писатель*

В нашем суматошном мире гораздо легче перевести деньги на чей-то счет, чем сделать подарок от всего сердца. А ведь в праздник особенно важны искренние подарки.

Несколько лет назад я начала готовить детей к мысли, что в этом году мы отметим Рождество скромно.

– Да ладно, мам, мы это уже слышали! – отвечали они. Мне не верили: в прошлом году я говорила то же самое – попутно занимаясь бракоразводным процессом, – а потом плюнула и спустила все деньги на угощение и подарки.

«В этом году все будет по-другому, – думала я. – Вот увидите».

Но как сделать это Рождество особенным? До развода я всегда успевала украсить дом к празднику, где бы мы ни жили. Я научилась клеить обои, класть деревянные панели и керамическую плитку, шить шторы из простыней и многое другое. Но теперь мы жили в съемном доме, и времени на его украшение было мало, а денег – еще меньше. К тому же меня бесил этот уродский интерьер: красно-оранжевые ковры и сине-голубые стены. Тратиться на его благоустройство не хотелось. Внутренний голос моей уязвленной гордости кричал: «Мы здесь ненадолго!»

Моя дочь Лиза всегда старалась превратить свою комнату в особенное место. Я позвонила бывшему мужу и попросила купить для Лизы красивое покрывало, а сама подобрала постельное белье в тон.

В канун Рождества я потратила 15 долларов на галлон³ краски и купила самые красивые канцтовары, какие только видела в жизни. Моя цель была проста: красить и шить до самого Рождества – тогда некогда будет жалеть себя в этот волшебный семейный праздник.

Вечером я раздала детям по три карандаша и конверты. Вверху каждого конверта было написано: «За что я больше всего люблю свою сестру Мию», «За что я больше всего люблю своего брата Криса», «За что я больше всего люблю свою сестру Лизу» и «За что я больше всего люблю своего брата Эрика».

Детям тогда было 16, 14, 10 и 8 лет. Мне пришлось постараться, чтобы убедить их найти друг в друге что-нибудь хорошее. Пока они писали, я ушла в свою комнату и упаковала их подарки. Когда они закончили свои письма, мы поцеловали друг друга на ночь и они разбежались по кроваткам. В виде исключения я разрешила Лизе спать у меня, взяв с нее слово, что она не будет подглядывать.

Сама я приступила к работе. К рассвету я закончила шторы, покрасила стены и отступила на несколько шагов, чтобы полюбоваться своим творением. Стоп! А может, приклеить радугу и облака, как на простынях? Я закончила к пяти утра. У меня уже не осталось сил думать о том, что мы «неблагополучная семья», как говорится в сухих статистических отчетах.

Вернувшись к себе, я обнаружила Лизу, разметающуюся по кровати. Поняв, что мне так не уснуть, я осторожно подняла ее и отнесла в ее комнату. Когда я уложила ее в постель, она спросила:

– Мамочка, уже утро?

– Нет, родная, закрой глазки и не открывай, пока не придет Санта.

Утром я проснулась от шепота:

– Ух ты, мам, как красиво!

³ 4½ литра (Прим. пер.).

Потом мы все уселись вокруг елки и принялись разворачивать наши скромные подарки. Детям раздали конверты. Мы читали послания со слезами на глазах. Последним пришел черед самого младшего. Восемилетний Эрик не ожидал услышать что-нибудь приятное. Его брат написал: «Я люблю своего брата Эрика за то, что он ничего не боится». Мия: «Я люблю своего брата Эрика за то, что он со всеми находит общий язык!» Лиза: «Я люблю своего брата Эрика за то, что он выше всех забирается на деревья!»

Кто-то легонько подергал меня за рукав. Прикрыв своей маленькой ладошкой мое ухо, Эрик шепнул:

– Ну надо же, мам, я не знал, что они меня любят!

Так наша находчивость и изобретательность помогли нам преодолеть превратности судьбы.

С тех пор я встала на ноги, и мы отметили не одно пышное Рождество с множеством подарков под елкой... Но если вы спросите, какое Рождество у нас самое любимое, мы дружно ответим: то самое.

Шерил Николсон

Другая женщина

Прожив 21 год в браке, я открыл для себя новый способ разжечь искру любви и страсти в наших отношениях с женой. Я стал встречаться с другой женщиной.

На самом деле идея принадлежала моей жене.

– Ты знаешь, что любишь ее, – сказала она, застав меня врасплох. – Жизнь коротка. И прожить ее нужно с теми, кого любишь.

– Но я люблю *тебя*, – возразил я.

– Знаю. Но и ее ты тоже любишь. Мне кажется, если бы вы чаще бывали вместе, мы с тобой стали бы ближе.

Пегги всегда бывает права.

Другой женщиной, на встречах с которой настаивала моя жена, была моя мать.

Маме 71 год. Отец умер девятнадцать лет назад, и с тех пор она живет одна. Сразу после его смерти я переехал за полторы тысячи километров от Калифорнии, где обзавелся семьей и сделал карьеру.

Пять лет назад я вернулся в родной город и пообещал себе, что буду проводить с мамой больше времени. Но в суете, крутясь между работой и тремя детьми, я вырываюсь лишь на семейные праздники.

Когда я позвонил и предложил сходить поужинать, а потом в кино, она не поверила мне и насторожилась:

– Что стряслось? Ты собираешься разлучить меня с внуками?

Моя мать из тех женщин, которые способны заподозрить подвох в самых обычных вещах – таких, как поздний звонок от старшего сына с приглашением на ужин.

– Я просто подумал, как было бы здорово побыть вместе, – ответил я. – Только мы с тобой.

Она задумалась и сказала:

– Было бы неплохо. Мне нравится эта идея.

Подъезжая к ее дому в пятницу после работы, я ощущал некоторое нервное возбуждение – как перед свиданием. А ведь я всего-то собирался поужинать со своей матерью! Но о чем мы будем говорить? А если ей не понравится ресторан, который я выбрал? Или фильм? А если ей вообще ничего не понравится?

Свернув к ее дому, я понял, что и мама была чрезвычайно взволнована предстоящим свиданием. Она уже ждала у двери, одетая. Волосы у нее были завиты, на губах – улыбка.

– Я сказала подругам, что иду на ужин со своим сыном, это их так потрясло, – заявила она, садясь в машину. – Не могут дождаться завтрашнего дня, когда я расскажу им, как прошел вечер.

Это было самое обычное кафе, где мы могли посидеть и поговорить. Когда мы пришли, мать крепко стиснула мою руку – от нахлынувших эмоций и чтобы преодолеть ступеньки.

Устроившись за столиком, я принялся вслух читать меню: она со своим зрением могла различить только крупные предметы и тени. Дойдя до середины, я поднял глаза.

Мама сидела напротив и смотрела на меня с грустной улыбкой.

– Когда ты был маленький, меню читала я, – сказала она.

Я сразу понял, что она имела в виду. Круг наших отношений замкнулся: сначала мама заботилась обо мне, теперь – я о ней.

– Значит, пора тебе расслабиться и позволить мне отблагодарить тебя, – ответил я.

За ужином мы мило беседовали. Ничего особенного – просто рассказывали друг другу о своей жизни. Мы так заболтались, что пропустили фильм.

– Я пойду с тобой на свидание снова, но только в следующий раз плачу я, – сказала мама, когда я отвез ее домой. Я согласился.

– Ну, как прошло свидание? – спросила жена, когда я вернулся домой.

– Ничего... лучше, чем я ожидал, – ответил я.

Она улыбнулась, и в этой улыбке ясно читалось: «Я же тебе говорила».

С того вечера я стал регулярно встречаться с мамой. Мы стараемся куда-нибудь выбираться хотя бы пару раз в месяц. Обычно мы ужинаем, а иногда ходим в кино. Но в основном – просто болтаем. Я говорю о своих рабочих буднях, о детях, о жене. Она сообщает мне семейные сплетни и рассказывает о своем прошлом. Теперь я знаю, каково ей было работать на фабрике во время Второй мировой войны. Знаю, как они познакомились с отцом, как встречались в это непростое время.

Слушая ее рассказы, я вдруг понял, как это все для меня важно. Ведь это моя история.

Мы обсуждаем не только прошлое, но и будущее. Из-за проблем со здоровьем моя мать беспокоится о том, что ее ждет.

– Мне еще столько нужно сделать! – сказала она мне как-то вечером. – Когда вырастут мои внуки, я должна быть рядом.

Как и многим моим друзьям, мне свойственна некоторая суетливость, стремление заполнить свое расписание до отказа, балансировать между карьерой, семьей и общением. Я часто сетую на то, как быстро бежит время.

После того как я начал проводить время с матерью, я осознал, что важно иногда замедлить шаг. Наконец я понял значение слов, которые слышал миллион раз: качественное время-препровождение. Пегги была права: встречи с другой женщиной укрепили мой брак. Я стал лучше – как муж, как отец и, надеюсь, как сын.

Спасибо, мам. Я люблю тебя.

Дэвид Фаррелл

Прикосновение Рамоны

После моей операции прошло несколько недель, и я отправилась к доктору Белт на плановый осмотр. Я только что прошла первую химиотерапию. Шрам у меня еще не зажил до конца, рука не слушалась. Я испытывала целый комплекс новых ощущений – как будто в двухкомнатную квартиру, где раньше жили две мои груди, а теперь осталась одна, поселилась новая соседка.

Меня, как обычно, отвели в лабораторию взять кровь. Для меня это самый настоящий кошмар – я ужасно боюсь иголок. Я легла на кушетку. На мне была просторная фланелевая клетчатая рубашка и сорочка – тщательно продуманный наряд, хотя я надеялась, что окружающие решат, будто я надела первое, что попало под руку. Рубашка скрывала мою новую грудь, а сорочка – защищала ее; к тому же пуговицы легко расстегивались, что облегчало медицинские процедуры.

В комнату вошла Рамона. Ее теплая лучистая улыбка была такой знакомой – и так контрастировала с моими страхами. Впервые мы встретились в кабинете врача несколько недель назад. Тогда она еще не была моей медсестрой, но я ее запомнила, потому что она смеялась. Смех был глубоким, сочным и обволакивающим. Помню, я еще подумала: что она нашла смешного? Над чем вообще можно смеяться, когда тут такое происходит? Я решила, что она несерьезный человек и надо найти более ответственную медсестру. Но я ошиблась.

В этот день все было по-другому. Рамона уже брала у меня кровь и знала, как я боюсь иголок, поэтому спрятала инструменты под журналом с яркой обложкой.

Расстегнув рубашку и сняв сорочку, я обнажила катетер на груди, отчего стал виден свежий шрам.

– Ну как, заживает? – спросила она.

– По-моему, да, – ответила я. – Я аккуратно мою его каждый день.

На моем лице, наверное, отразилось воспоминание о том, как вода течет по мертвой груди. Рамона протянула руку и мягко коснулась шрама, ощупывая кожу, проверяя ее гладкость и наличие неровностей. Я тихо заплакала. Она ласково посмотрела на меня и спросила:

– Ты ведь его еще не трогала, правда?

– Нет, – ответила я.

Тогда эта чудесная женщина прикоснулась своей золотисто-коричневой ладонью к моей бледной груди. Она держала руку довольно долго, а я плакала. Потом она мягко сказала:

– Это часть твоего тела. Это ты. Ничего страшного, если ты к ней прикоснешься.

Но я не могла. Тогда она потрогала вместо меня – шрам, заживающую рану, а под ней – мое сердце.

– Я подержу твою руку, – сказала Рамона и прижала ладонь к моей руке. Мы обе молчали. Это был дар Рамоны мне. Той ночью, ложась спать, я аккуратно положила ладонь на грудь и не убирала, пока не заснула. Я знала, что я не одна – можно сказать, мы заснули вместе: моя грудь, то, что осталось от второй груди, дар Рамоны и я.

Бетти Абусси Эллис

«Вы – Бог?»

Однажды холодным вечером в каникулы мальчик лет шести-семи стоял перед витриной магазина. Он был босой и в обносках. Проходившая мимо женщина увидела тоску в его ясных голубых глазах. Она взяла ребенка за руку и повела в магазин. Там она купила ему новые ботинки и теплую одежду. Когда они вышли на улицу, женщина сказала:

– Теперь можешь идти домой и радоваться каникулам.

Мальчик посмотрел на нее и спросил:

– Мэм, вы – Бог?

Женщина улыбнулась ему и ответила:

– Нет, сынок, я просто одна из Его детей.

Тогда мальчик сказал:

– Я так и знал, что вы родственники!

Дэн Кларк

Электрические свечи

Раз в месяц, по утрам в пятницу, я приезжаю в больницу и привожу свечи для Шаббата⁴ еврейским пациенткам. Зажигание свечей – традиция, которой женщины отмечают Шаббат, но больничные правила запрещают настоящие свечи. Поэтому мы придумали выход: электрические свечи, которые работают от сети. Мы включаем их в канун Шаббата – на закате в пятницу. Шаббат заканчивается в субботу вечером, а в воскресенье утром я забираю свечи и увожу их до следующей пятницы, когда другой волонтер привезет их своим пациентам.

Однажды пятничным утром я увидела очень старую женщину – ей было лет 90. Волосы у нее были белоснежные, мягкие и пушистые, как вата. Кожа – белая и морщинистая, как будто кости внезапно сжались и нечем стало ее держать; теперь она просто обвисла на лице и руках.

Укрытая простыней до самых подмышек, она казалась очень маленькой. Руки ее поверх покрывала были тощими и шишковатыми – казалось, они повидали все. Но глаза были ясными и синими, и она приветствовала меня удивительно сильным голосом. Из списка пациентов я знала, что ее зовут Сара Коэн.

Она сказала, что ждала меня, что дома всегда зажигала свечи, а мне нужно просто вставить вилку в розетку у ее кровати, чтобы она могла до них дотянуться. Было видно, что этот обряд ей хорошо знаком. Я сделала, как она просила, и пожелала ей хорошего Шаббата. Когда я уже повернулась к выходу, она сказала:

– Надеюсь, мои внуки приедут вовремя и успеют со мной попрощаться.

Наверное, на моем лице отразился шок от того, с какой обыденностью она это произнесла. Она знала, что умирает. Я прикоснулась к ее руке и сказала, что тоже на это надеюсь.

Выходя из комнаты, я чуть не столкнулась с молодой женщиной лет двадцати.

На ней была длинная юбка в стиле кантри, голова прикрыта платком. Миссис Коэн сказала:

– Малка! Как я рада, что ты приехала. А где Дэвид?

Мне нужно было идти дальше, но я все думала: успеет ли Дэвид?

Я не могу просто отвезти свечи и уехать, зная, что кто-то из этих пациентов серьезно болен, а кто-то скоро умрет. Каждая из этих женщин напоминает мне мою маму, когда она так же лежала в больнице и умирала. Наверное, поэтому я работаю волонтером. Весь Шаббат меня неотступно преследовали мысли о миссис Коэн и ее внуках.

Воскресным утром я вернулась в больницу, чтобы забрать свечи. У палаты миссис Коэн я увидела ее внучку – она сидела на полу у двери.

– Пожалуйста, – попросила она, – не могли бы вы оставить свечи еще на несколько часов?

Эта просьба меня удивила, и она принялась рассказывать.

Миссис Коэн научила ее и ее брата Дэвида всему, что они знали о религии. Их родители развелись, когда они были совсем маленькими, и к тому же постоянно работали. Почти все выходные они с братом проводили у бабушки.

– Она устраивала для нас Шаббат, – сказала Малка. – Готовила, убирала, пекла. Весь дом был таким... Там так пахло, что не передать словами. Как будто ты оказался в другом мире.

Не знаю, как объяснить вам, что означает Шаббат для всех нас: для бабушки, Дэвида и меня. Словно отдушина, побег от суеты. Это помогло нам с Дэвидом обратиться к нашей вере. Дэвид сейчас живет в Израиле. Он не мог вылететь раньше. Думаю, он приедет часам к шести, поэтому, если можно, пожалуйста, оставьте свечи до тех пор, а потом я сама их соберу.

Я так и не поняла, какая связь между свечами и приездом Дэвида, и Малка продолжила:

⁴ Шаббат – праздник Субботы, который по еврейской традиции начинается в пятницу после захода солнца и заканчивается в субботу с выходом звезд (*Прим. ред.*).

– Для бабушки Шаббат был днем счастья. Она не хотела умирать в этот день. Если мне удастся убедить ее, что Шаббат еще не закончился, может быть, она доживет до приезда Дэвида. Чтобы он хотя бы успел с ней попрощаться.

После этих слов я не могла прикоснуться к свечам. Я сказала Малке, что зайду позже, и сжала ее руку.

Бывают моменты, которые способны сблизить даже абсолютно чужих людей, – и это был один из них.

Весь остаток дня я занималась своими делами, но мыслями то и дело возвращалась к драме, разворачивавшейся здесь, в больнице. Эта старушка изо всех сил цеплялась за жизнь и делала это не для себя. Похоже, она уже знала, что пришел ее час, и смирилась с этим. Для меня Сара Коэн была воплощением той силы, о которой я даже не подозревала. Я и не думала, что любовь может быть такой мощной. Она хотела во что бы то ни стало пережить Шаббат, не омрачать этот радостный день своим уходом. И может быть, ей хотелось, чтобы внуки смогли спокойно перевернуть страницу, попрощавшись с человеком, который оставил такой глубокий след в их жизни.

Вернувшись в больницу в воскресенье вечером и еще не дойдя до палаты, я заплакала. Потом заглянула внутрь. Постель была пуста, свечи выключены. Позади меня кто-то тихо сказал:

– Он успел.

Я посмотрела на Малку – глаза ее были сухими.

– Дэвид приехал сегодня вечером. Сейчас он молится. Он успел с ней попрощаться и сообщить ей радостную новость: они с женой ждут ребенка. Если родится девочка, назовут Сарой.

Я не удивилась.

Оборачивая провод вокруг канделябра, я почувствовала, что он еще теплый.

Марша Аронс

Больше, Чем стипендия

Великие мысли понятны лишь пытливому уму, Но великие поступки понятны всем.

Эмили П. Бисселл, социальный работник и активистка

Вы, должно быть, слышали об Ошеоле МакКарти. Эта 88-летняя женщина из Миссисипи больше 75 лет проработала прачкой. Однажды, уже после выхода на пенсию, она пришла в банк и, к своему удивлению, обнаружила, что ее скромные сбережения выросли до 150 тысяч долларов. Затем, уже к удивлению всех остальных, она сняла эти деньги – почти все, что у нее было, – и пожертвовала Университету Южного Миссисипи в фонд стипендий для афроамериканских студентов с финансовыми трудностями. О ней писали все газеты.

Но вы не знаете, как дар Ошеолы повлиял на мою жизнь. Мне 19 лет, и я первый стипендиат Ошеолы МакКарти. Я хорошо училась в школе и собиралась поступать в Университет Южного Миссисипи. Но для получения стипендии мне не хватило одного балла на вступительных экзаменах, а для меня это был единственный шанс оплатить обучение.

Однажды мне на глаза попала история Ошеолы МакКарти, напечатанная в одной из местных газет. Я показала статью маме, и мы обе решили, что это замечательный поступок.

А буквально через несколько дней мне позвонили: я оказалась в числе претендентов на первую стипендию Ошеолы МакКарти.

С Ошеолой мы познакомились на конференции – для меня это было словно найти потерянного родственника. Она никогда не была замужем, не родила детей, поэтому моя семья стала ее семьей. Они часто болтают по телефону с моей бабушкой, вместе ездят по делам, и она бывает у нас в гостях.

Всю жизнь Ошеола работала от рассвета до заката, вручную стирая белье. Когда я училась в школе, то все время проезжала мимо ее дома. Тогда я, конечно, не знала, что это ее дом, но обращала внимание на ровно подстриженный газон и на то, как все чисто и аккуратно. Недавно я спросила, почему ни разу не видела ее там, и она ответила:

– Наверное, я была на заднем дворе, стирала.

Теперь, после выхода на пенсию, большую часть времени Ошеола читает Библию – в перерывах между премиями. Всякий раз, приезжая к ней домой, я замечаю новую награду. Она даже побывала в Белом доме! Она счастлива и горда, но при этом держится очень просто.

Нам даже пришлось уговаривать ее купить видеомэгаффон, чтобы записывать программы с собственным участием, – на что она только улыбалась.

Ошеола дала мне не только стипендию – она научила меня делиться с другими. Всю жизнь она работала и делала людям добро, а теперь ее пример вдохновил и меня. В будущем я планирую пополнять ее фонд. Я хочу подарить Ошеоле семью, о которой она всегда мечтала, поэтому теперь она моя приемная бабушка. Она тоже называет меня своей внучкой. Когда я окончу университет, она будет сидеть в зале, между моей мамой и бабушкой – ведь именно там ее место.

Стефани Буллок

Это было не больно

Спонтанные проявления доброты – ха!

Это совсем не больно.

Я сказала мужу, что люблю его.

Это было не больно.

Я собрала сыну школьный обед и приложила записку о том, как много он для меня значит.

Это было не больно.

Я открыла дверь аптеки для женщины в инвалидной коляске.

Это было не больно.

Я оставила коробку печенья для почтальона.

Это было не больно.

Я пропустила людей в очереди в супермаркете.

Это было не больно.

Я позвонила брату сказать, что скучаю по нему.

И он тоже по мне скучает!

Я написала мэру письмо с благодарностью за его полезную работу.

Это было не больно.

Я отнесла цветы в дом инвалидов.

Это было не больно.

Я приготовила куриный бульон для больной подруги.

Это было не больно.

Я поиграла с дочерью в «Карамельную страну»⁵.

Нам было так весело!

Я поблагодарила человека, который помог мне упаковать продукты в магазине.

Он просиял.

Я разрешила ассистенту взять оплачиваемый выходной —

было больно, но только чуть-чуть.

Я поиграла с собакой в мяч.

Было здорово!

Я пригласила женщину, которая только что развелась, на обед и в кино.

Мне было приятно.

Я сходила на массаж.

Было замечательно!

Делать добро просто так —

хм-м-м, это совсем не больно.

Думаю, я буду так поступать весь год.

Сэнди Эзрин

⁵ Настольная игра.

Поцелуй на ночь

Я работаю ночной медсестрой в доме престарелых. По вечерам, заступая на дежурство, я прохожу по коридору, останавливаясь у каждой двери, чтобы пообщаться с пациентами.

Кейт и Крис часто сидели над большим альбомом и разглядывали фотографии. Кейт с гордостью показывала мне снимки прошлых лет. Крис тогда был высоким симпатичным блондином; Кейт – хорошенькой брюнеткой-хохотушкой. Двое влюбленных, чьи улыбки не поблекли спустя годы. Они были такими прекрасными! Свет, льющийся из окна, освещал их белоснежные волосы и морщинистые лица.

«Как мало знают молодые о любви», – думала я.

Лишь старикам по-настоящему понятно значение этого слова; молодежь может лишь догадываться.

Когда персонал ужинал, Кейт и Крис, держась за руки, медленно проходили мимо дверей столовой. Все тут же принималось обсуждать их любовь и верность друг другу, а также – что случится, если один из них умрет. В этой паре Крис был сильнее, и Кейт зависела от него.

Отход ко сну тоже сопровождался особым ритуалом. Когда я приносила вечерние лекарства, Кейт сидела в своем кресле в ночной сорочке и тапочках и ждала моего прихода. Под нашим с Крисом строгим взглядом она выпивала таблетку. Затем Крис заботливо перекладывал ее с кресла в постель и укутывал одеялом.

Наблюдая за этой любовью и заботой, я в тысячный раз думала: «Господи, ну почему в домах престарелых нет двуспальных кроватей для супружеских пар?» всю жизнь они спали вместе, но в доме престарелых им приходилось лежать в отдельных постелях, лишаясь привычного ночного уюта.

«Какие дурацкие правила!» – думала я, глядя, как Крис выключает ночник у кровати Кейт.

Затем он наклонился, и они нежно целовались. Крис гладил ее по щеке, и оба улыбались.

Он поднимал боковую перегородку ее кровати и только тогда принимал свои лекарства. Выходя в коридор, я слышала, как Крис говорил: «Спокойной ночи, Кейт», а в ответ раздавалось: «Спокойной ночи, Крис».

Однажды меня не было два дня, а когда я вернулась, то первое, что услышала, было: «Вчера утром умер Крис».

– Тяжелый сердечный приступ. Все случилось очень быстро.

– Как Кейт?

– Плохо.

Я вошла в палату Кейт. Она неподвижно сидела в своей коляске, руки на коленях, взгляд устремлен в пустоту. Взяв ее руки в свои, я сказала:

– Кейт, это Филлис.

Она продолжала смотреть в пустоту. Я мягко взяла ее за подбородок и чуть приподняла голову, чтобы она посмотрела на меня.

– Кейт, я только что узнала о Крисе. Мне очень жаль.

На слове «Крис» взгляд ее ожил. Она озадаченно уставилась на меня, как будто гадая, откуда я взялась.

– Кейт, это я, Филлис. Мне очень жаль, что Криса больше нет.

Тут ее лицо озарилось воспоминаниями. По морщинистым щекам заструились слезы.

– Крис ушел, – прошептала она.

– Я знаю, – сказала я. – Знаю.

Какое-то время мы ухаживали за Кейт, разрешая ей есть у себя в палате, окружив ее заботой.

Затем персонал постепенно вернул ее к прежнему режиму.

Часто, проходя мимо палаты Кейт, я видела ее в инвалидной коляске с альбомом на колесиках. Она грустно рассматривала фотографии Криса. Тяжелее всего был вечерний отход ко сну. Ей разрешили перебраться на кровать Криса, и медсестры, укладывая ее спать, шутили и болтали с ней, но она молчала и была полна печальной отрешенности.

Через час я обнаруживала, что она все еще не спит, а лежит, уставившись в потолок.

Шли недели, а ситуация не улучшалась: Кейт была все так же беспокойна и безутешна, особенно по ночам.

Однажды ночью, войдя в ее палату и как обычно обнаружив, что Кейт еще не спит, я вдруг спросила:

– Кейт, может быть, тебе не хватает поцелуя на ночь?

Наклонившись, я поцеловала ее морщинистую щеку. И тут – словно бы я освободила водопад. По ее лицу побежали слезы, и она судорожно вцепилась в мои руки.

– Крис всегда целовал меня на ночь, – плакала она.

– Знаю, – шепнула я.

– Мне так его не хватает, все эти годы он целовал меня на ночь.

Она посмотрела на меня глазами, полными благодарности.

– Спасибо, что поцеловала меня.

Губы Кейт тронула легкая улыбка.

– А знаешь, Крис пел мне песенку, – призналась вдруг она. – А теперь я лежу всю ночь и думаю об этом.

– Что это была за песенка?

Кейт улыбнулась, держа меня за руку, прочистила горло и запела. Голос у нее от старости стал тихим и тонким, но все еще был мелодичным:

«Так поцелуй меня, милая, и мы разойдемся.
А когда я состарюсь и не смогу больше мечтать,
Этот поцелуй будет жить в моем сердце»⁶.

Филлис Волкенс

Прислано Джейн Ханна

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА:

Автор этой истории Филлис Волкенс умерла через два дня после того, как мы нашли ее, чтобы получить разрешение на публикацию ее рассказа (см. Предисловие). Ее муж Стенли рассказал, как важно было для Филлис, что ее история войдет в сборник «Куриный бульон для души: 101 история о женщинах».

Для нас большая честь напечатать «Поцелуй на ночь» в память о Филлис.

⁶ Песня «Когда я состарюсь и не смогу мечтать», слова Оскара Хаммерштейна, музыка Зигмунда Ромберга. Все права защищены (студия «Роббинс Мьюзик Корп»).

Подарки

Я держу в руках книгу «Классики фантастики. Жюль Верн», на полу валяется разорванная оберточная бумага. Надпись на форзаце гласит: «Мэтту с любовью от дедушки Лорена, Сан-Франциско». Зачем мой семидесятипятилетний отец присылает моему девятилетнему сыну книгу толщиной в 511 страниц? Я раздражена абсурдностью этого подарка. Наверняка он купил книгу второпях, не задумываясь. Но откуда моему отцу знать, что может нравиться девятилетнему ребенку?

Я вспомнила, как прошлой весной мы ездили в Сан-Франциско. Отец схватил Мэтта за руку и на бегу втащил в кабинку фуникулера. Потом он подобрал с земли пятицентовую монетку и сказал:

– Смотри, Мэтт! Если положить денежку на рельс, фуникулер разрежет ее пополам!

До сих пор вижу их обоих, охваченных восхищением.

Раздражение понемногу утихает. Я смотрю в окно, на спящего на крыльце Хондо. Мы взяли его, когда ему было восемь недель. Теперь на его черной морде тут и там проступают седые шерстинки, нижние веки карих глаз обвисли. Он косолап, и между подушечек его мощных лабрадорских лап тоже торчат седые волосы. Я вспоминаю отца – как я наблюдала за растущей сединой в его бороде, пока она не стала полностью седой.

Рядом с Хондо лежит Фреклз, бордер-колли. Ветерок шевелит ее мех, и она уже не такая пятнистая, как в детстве.

Для собаки четырнадцать лет – это целая жизнь. Хондо уже угасает, его луна как будто слабеет с каждым заходом солнца. Давно пора было взять вторую собаку, и все же прошлым летом, отвозя на ранчо Фреклз, мы испытывали чувство вины перед Хондо. Но он повел себя как истинный джентльмен. Он обнюхал это дрожащее существо; она заскулила, и он облизал ее. Так, под общее влияние хвостов, родилась их дружба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.